

А й л и н

«Просто не бойся.
Слышишь?
Что бы ни было —
не бойся.
Я рядом.»

ТОТ, КТО ПОМНИТ ЗА МЕНЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Иногда прошлое возвращается не для того,
чтобы напомнить. А чтобы изменить всё.

Просто не бойся.
Слышишь?
Что бы ни было —
не бойся.
Я рядом.

Айлин

Тот, кто помнит за меня

«Автор»

2026

Айлин

Тот, кто помнит за меня / Айлин — «Автор», 2026

Марина возвращается к работе психологом после гибели мужа — и на первом же приёме слышит от незнакомого клиента фразу, которую мог знать только погибший. Вскоре чужие сны начинают восстанавливать ночь аварии, стёртую из её собственной памяти. Но чем ближе Марина подбирается к правде, тем страшнее становится вопрос: что, если она забыла ту ночь не случайно? «Тот, кто помнит за меня» — психологический триллер о памяти, вине, тайнах близких людей и правде, которую иногда легче забыть, чем принять.

© Айлин, 2026

© Автор, 2026

Айлин

Тот, кто помнит за меня

АЙЛИН
ТОТ, КТО

ПОМНИТ ЗА МЕНЯ
Психологический триллер

Глава первая
— ❧ —

Кабинет она открыла в понедельник, потому что ждать до вторника было бы уже трусостью.

Полгода — так решила заведующая центром, так решил её собственный психотерапевт, так, кажется, решили все, кроме самой Марины. Полгода отпуска, чтобы «прийти в себя». Она вернулась через пять месяцев и три недели, и эти недостающие дни казались ей маленькой

личной победой над всеми, кто говорил, будто знает, сколько нужно времени, чтобы пережить смерть мужа.

Кабинет пах пылью и остывшим кондиционером. Марина открыла окно, протёрла стол, поставила на подоконник фикус, который кто-то заботливо не выбросил и не полил — растение выжило на одном упрямстве, как и она. Она села в своё кресло, потом пересела в кресло клиента, чтобы проверить, как оттуда падает свет. Так она делала всегда, в первый день после любого перерыва. Клиент не должен видеть её лицо против окна — только ровный, рассеянный свет, в котором нет теней, за которые можно спрятать ложь. Ни ему, ни ей.

Первый в списке значился на десять. Игорь В., тридцать один год, первичный приём. Направление от невролога — тревожное расстройство, нарушения сна. Ничего необычного. Марина за пятнадцать лет практики приняла таких сотни: людей, у которых внутри что-то тикало слишком громко, и они приходили, чтобы кто-то помог им найти этот механизм и остановить.

Он опоздал на четыре минуты и извинился дважды — в дверях и садясь. Высокий, худой той сухой худобой, которая бывает у людей, забывающих есть. Лет ему можно было дать и двадцать пять, и сорок, в зависимости от того, куда смотреть: молодое лицо и очень старые глаза. Он сел на край кресла, сцепив руки между колен, и Марина отметила это машинально — поза человека, который держит себя, чтобы не рассыпаться.

— Расскажите, что вас привело, — сказала она. Так она начинала всегда. Открытый вопрос, много воздуха, пусть человек сам выберет, с чего начать; выбор — это уже диагноз.

— Я не сплю, — сказал он. — То есть сплю, но... как будто не отдыхаю. Просыпаюсь в три, и всё. И каждый раз одно и то же ощущение, что я что-то забыл сделать. Что-то важное. Не позвонил, не предупредил, не успел. И весь день на этом. — Он поднял глаза. — Вам это, наверное, сто раз рассказывали.

— Мне важно, как это у вас, — сказала Марина.

Он говорил сорок минут, и говорил хорошо — связно, с той избыточной точностью, с какой тревожные люди описывают своё состояние, будто надеясь, что достаточно подробное описание само по себе станет лекарством. Марина слушала вполуха и всем сразу — так, как научилась за годы: одна часть её ловила слова, другая читала паузы, третья вела беспристрастный протокол. Ничего тревожного сверх обычного. Умный, одинокий, загнанный человек. Она уже прикидывала схему работы — когнитивная линия, гигиена сна, через пару сессий подключить дыхательные, — когда он замолчал, посмотрел куда-то мимо неё, в окно, и сказал тихо, без всякого перехода:

— Знаете, мне кажется, я не с того начал. Мне надо было сказать сразу. Я не из-за сна пришёл.

— А из-за чего?

Он долго молчал. Потом вытер ладони о джинсы — жест, который Марина потом будет прокручивать в голове сотни раз, — и произнёс:

— Просто не бойся. Слышишь? Что бы ни было — не бойся. Я рядом.

В кабинете стало очень тихо. Фикус на подоконнике не шелохнулся. Где-то внизу, на улице, взвыла и заглохла чужая сигнализация.

Марина сидела ровно. Лицо её не изменилось — она умела не менять лицо, это была её работа. Но внутри у неё, там, где полгода было ровное серое ничто, что-то сдвинулось со скрежетом, будто провернулась вмёрзшая в лёд шестерёнка.

Потому что это были последние слова Андрея.

Не похоже. Не «в этом духе». Те самые. Слово в слово, с этой нелепой, детской интонацией на «слышишь?» — так говорил только он, так он сказал ей в то последнее утро, стоя в прихожей с ключами от машины в руке, и она тогда ещё отмахнулась, потому что опаздывала, потому что была уверена, что вечером они увидятся снова.

Она никому не рассказывала эту фразу. Ни психотерапевту. Ни матери. Ни в тех бесконечных объяснительных, которые пишешь после того, как твоя жизнь разваливается пополам. Эта фраза была её и только её — единственное, что осталось нетронутым, потому что она не отдала её никому.

— Простите, — Игорь смотрел на неё встревоженно. — Я что-то не то сказал? Вы побледнели.

— Всё в порядке, — услышала она свой голос, ровный и чужой. — Продолжайте. Откуда эта фраза?

— Какая фраза? — Он моргнул. — Я не... Я просто хотел сказать, что мне иногда снится, будто кто-то мне это говорит. Во сне. Я же про сны и пришёл. — Он виновато улыбнулся. — Наверное, глупо звучит.

Марина посмотрела на часы. Пятьдесят минут. Время.

— На сегодня достаточно, — сказала она. — Запишитесь у администратора на следующую неделю.

Он ушёл, снова извинившись в дверях. А Марина ещё долго сидела в тишине, глядя на кресло, где он только что был, и впервые за пять месяцев и три недели чувствовала не серое ничто, а что-то другое.

Страх.

И где-то очень глубоко, там, куда она полгода запрещала себе заглядывать, — облегчение. Как будто дверь, которую она заперла и замуровала, наконец кто-то тронул снаружи.

Глава вторая

Вечером она достала коробку.

Коробка стояла в кладовке пять месяцев — с того дня, как мать со свекровью, действуя из лучших побуждений и не спросив её, собрали вещи Андрея с прикроватной тумбочки, из ванной, из карманов куртки, висевшей в прихожей. Сложили всё в обувную коробку из-под его зимних ботинок, заклеили скотчем и убрали с глаз. Марина не возражала. Ей тогда было всё равно, где это будет стоять — на виду или замурованное. Главное, чтобы не в руках.

Теперь она сидела на полу кухни, коробка перед ней, и не решалась снять скотч. За окном стемнело. Она так и не включила верхний свет — только лампа над плитой, круг тёплого жёлтого на линолеуме, а она с коробкой на границе света и темноты.

«Просто не бойся. Слышишь?»

Фраза не отпускала весь день. Она приняла ещё троих клиентов, вела приём безупречно, кивала, задавала вопросы, писала в карте — и всё это время где-то на изнанке сознания крутилось: откуда он знает. Откуда чужой человек, впервые вошедший в её кабинет, знает слова, которые слышала только она одна.

Рациональная часть, та самая, которой она зарабатывала на жизнь, предлагала объяснения. Совпадение — фраза не такая уж уникальная, «не бойся, я рядом» говорят друг другу тысячи людей. Проекция — она в горе, она ищет знаки, мозг подгоняет реальность под то, что хочет услышать. Ложная память — самое коварное: возможно, никаких «тех самых слов» и не было, а она достроила воспоминание задним числом, как достраивают все, потому что человеку невыносимо, что последними словами близкого было что-то будничное, вроде «купи хлеба».

Всё это были хорошие, честные объяснения. Она сама сказала бы такое клиенту. И ни одно из них не убирало холод под рёбрами.

Она сняла скотч.

Внутри было мало. Часы, которые он не носил. Флешка. Мелочь, скрепки, две таблетки от изжоги в фольге. Зарядка. Записная книжка, в которую он ничего не записывал, кроме паролей от вайфая в отелях. Его запах уже почти выветрился — осталась только тень, и от этой тени у Марины перехватило горло сильнее, чем от всего остального.

И на самом дне — телефон. Его телефон, она знала этот телефон. А рядом с ним — второй.

Марина замерла.

Второй был дешёвый, кнопочный, из тех, что покупают за наличные и не оформляют ни на кого. Чёрный, поцарапанный, с потёртой кнопкой вызова. Она никогда его не видела. Пятнадцать лет она знала об Андрее всё — какой рукой он мешает кофе, что он бормочет во сне, где у него родинка, которую он сам не видел, — и она никогда, ни разу не видела в его руках этот телефон.

Она взяла его. Лёгкий, пластиковый, чужой. Нажала кнопку — экран не отозвался, аккумулятор давно сдох. Марина сидела, держа на ладони маленький чёрный прямоугольник, и чувствовала, как пол кухни медленно кренится, будто она сидит не на полу, а на палубе.

И тогда это случилось в первый раз.

Не воспоминание — воспоминания приходят целыми, с началом и концом. Это было другое: вспышка, обрывок, кадр, вырезанный из середины неизвестного фильма. Дождь по лобовому стеклу. Красный свет впереди, расплывающийся в потёках. Чей-то голос рядом — не Андрея, другой, ниже. И собственный её голос, тонкий, испуганный, говорящий: «Не надо. Пожалуйста, не надо».

И всё. Кадр погас так же резко, как вспыхнул.

Марина обнаружила, что стоит. Она не помнила, как поднялась. Сердце колотилось где-то в горле, ладони были мокрые, чужой телефон лежал на полу — она его выронила. В ушах ещё звенело собственное «пожалуйста, не надо», и она понятия не имела, откуда оно, кому, когда.

Она никогда этого не помнила. За все пять месяцев следствие, страховая, её собственная память сходились в одном: она ничего не помнит о самой аварии. Ретроградная амнезия, сказали врачи, обычное дело при таком ударе — вылетают минуты и часы до травмы, иногда навсегда. Марина приняла это как факт. Пустота на месте той ночи была ровной, гладкой, без единого выступа, за который можно зацепиться.

А теперь в этой гладкой пустоте появилась трещина. И из трещины дуло.

Она подняла телефон, положила обратно в коробку, к первому, заклеила скотчем — руки не слушались — и убрала обратно в кладовку. Как будто это могло что-то замуровать. Как будто трещину можно заклеить скотчем.

Потом она села за ноутбук.

Она знала, что не должна. Это было первое, чему учат: не искать клиентов в сети, не собирать о них информацию помимо той, что они дают сами, не переступать границу кабинета. Кабинет — стерильное пространство, и всё, что в нём происходит, должно оставаться в

нём. Клиент имеет право на то, чтобы терапевт знал о нём ровно столько, сколько он решил рассказать.

Марина открыла поисковую строку и набрала: «Игорь».

Остановилась. Фамилию она знала только по первой букве в карте — В. Приём вёлся анонимно, администратор оформляла клиентов по имени и телефону. Она могла бы узнать фамилию — карта лежала в кабинете, — но не стала. Вместо этого она сидела перед пустой поисковой строкой с одним именем «Игорь» и понимала всю нелепость: она собиралась искать человека, о котором не знает ничего, кроме того, что он произнёс слова её мёртвого мужа и сам этого будто бы не заметил.

Она стёрла имя. Набрала другое: адрес перекрёстка, где погиб Андрей.

И долго, до глубокой ночи, читала всё, что смогла найти о той аварии. Скупую заметку в местной ленте. Схему ДТП. Сухие слова: «столкновение», «встречная полоса», «водитель скончался на месте», «пассажир доставлен в больницу с травмами».

Пассажир. Это было про неё. Значит, за рулём был Андрей.

Марина смотрела на эту строчку и не могла понять, почему она вызывает у неё то же чувство, что и чужой телефон на дне коробки. Чувство, будто ей показывают правильную, аккуратную картинку — а под картинкой что-то не сходится. Что-то мелкое, но неправильное, как в тех детских загадках, где нужно найти отличие, и ты чувствуешь его раньше, чем видишь.

Она легла под утро. И в три часа проснулась — резко, как от толчка, с колотящимся сердцем и с одной ясной, холодной мыслью, которую принесла с собой из сна.

«Просыпаюсь в три, — сказал он. — И всё».

Марина лежала в темноте и впервые за долгое время думала не о том, как ей жить дальше. Она думала о том, что будет на следующей сессии.

Глава третья

— ❧ —

За неделю она успела почти убедить себя, что всё выдумала.

Так устроена психика — Марина знала это профессионально: острое чувство тупится, невозможное обрастает объяснениями, и через семь дней «он произнёс последние слова моего мужа» превращается в «мне послышалось, я была на взводе, первый день на работе после полугода — немудрено». К пятнице она уже держала внутри аккуратную, удобную версию: совпадение плюс её собственное горе. Версию, с которой можно работать. Версию, которая не заставляла по ночам вставать и проверять, заперта ли дверь.

Игорь пришёл вовремя. Сел на тот же край того же кресла, снова сцепил руки. Марина поймала себя на том, что рассматривает его лицо внимательнее, чем позволяет приличие, — ищет в нём что-то, сама не зная что. Ничего не находила. Обычное усталое лицо. Только глаза, которые она уже отметила в прошлый раз, — слишком старые для тридцати одного.

— Как спали эту неделю? — спросила она, входя в привычную колею.

— Хуже, — сказал он честно. — После того раза даже хуже. — Он помолчал. — Мне сон приснился. Три ночи подряд, один и тот же. Раньше такого не было, чтобы прямо повторялся.

— Расскажите.

Марина взяла ручку. Обычная процедура: сон клиента — материал, с ним работают, его разбирают. Ручка была ей нужна не для записи, а чтобы занять руки.

— Я за рулём, — начал Игорь. — Хотя я не за рулём, я не умею объяснить. Как будто я и веду, и одновременно смотрю со стороны. Ночь. Дождь, сильный, дворники не справляются. Я еду по трассе, где-то за городом, фонарей мало. И впереди перекрёсток, светофор, и он мигает жёлтым — знаете, как ночью, когда переключают в мигающий режим.

Ручка в руке Марины остановилась.

— И я знаю, что нельзя ехать. Во сне я это точно знаю — нельзя, надо тормозить. Но я не торможу. Или тормоз не работает, или я сам не жму, я не понимаю. И справа что-то. Свет фар, сбоку, быстро. — Он говорил, глядя в пол, и голос у него становился ровнее и глуше, как у человека, который спускается по лестнице в темноте. — И перед самым... перед тем, как всё, кто-то рядом со мной говорит. Женщина. Тихо так. «Не надо. Пожалуйста, не надо».

В кабинете было очень тихо.

Марина смотрела на свою руку с ручкой и не узнавала её. Это были её слова. Не фраза Андрея на этот раз — её собственные, те, что всплыли у неё неделю назад над коробкой, на полу кухни, из ниоткуда. «Не надо. Пожалуйста, не надо». Она не произносила их вслух ни разу за эту неделю. Она вообще никому о них не говорила.

— Перекрёсток за городом, — сказала она наконец, очень осторожно, кладя каждое слово отдельно, как на весы. — Мигающий жёлтый. Дождь. Вы всегда видите одно и то же место?

— Всегда одно, — кивнул Игорь. — Я даже проверить хотел, есть ли такой перекрёсток на самом деле, а потом подумал — ну как проверишь. Их таких тысяча. — Он поднял глаза, и в них было что-то почти виноватое. — Вам, наверное, кажется, что я себя накручиваю. Я и сам так думаю. Но эти три ночи... я утром встаю и целый день как будто не свой. Как будто я там кого-то оставил.

Марина знала этот перекрёсток. Она читала его схему всю ночь неделю назад. Мигающий жёлтый — в протоколе так и было записано, светофор на трассе работал в ночном режиме. Дождь — в тот вечер лил дождь. За городом, мало фонарей. Свет фар справа, быстро.

«Столкновение. Встречная полоса. Водитель скончался на месте».

Он описывал её аварию. Место, которого — она была почти уверена — он не мог знать. Ночь, которой она сама не помнила.

— Игорь, — сказала она, и собственный голос показался ей слишком тонким. Она откашлялась. — Скажите, вы давно в этом городе живёте?

Вопрос был не из протокола. Он не имел отношения к терапии. Марина услышала себя со стороны и внутренне ужаснулась — она переступала черту прямо сейчас, на второй сессии, спрашивая клиента о том, что ей нужно для себя, а не для него. Но остановиться она уже не могла.

— Не очень, — он не удивился вопросу, люди редко замечают, когда терапевт сходит с рельсов. — Года три. Я вообще-то не отсюда. Приехал... — он запнулся, — по семейным обстоятельствам. Мама болела. Она в прошлом году умерла.

— Соболезную.

— Спасибо. — Он потёр лицо ладонями. — Знаете, что странно? Эти сны начались после её смерти. Не сразу, где-то через полгода. Как будто, пока она была жива, что-то держалось, а потом отпустило, и полезло. Я поэтому и к неврологу пошёл, а он к вам.

Через полгода после смерти его матери. Полгода — Марина держала это число, оно было тяжёлым и важным, но она пока не понимала чем. Полгода назад погиб Андрей. Полгода назад что-то отпустило и у неё, и полезло — фразы, обрывки, чужой телефон на дне коробки.

Совпадение. Она заставила себя подумать это слово. Совпадение. Полгода — расхожий срок, психика работает циклами, ничего мистического. Но версия, которую она так старательно

собирала всю неделю — удобная, ровная версия «мне послышалось», — трещала прямо у неё в руках, и трещину было уже не заклеить.

— На сегодня, наверное, всё, — сказал Игорь, взглянув на часы прежде неё; сессия и правда подходила к концу. — Я вас, кажется, грузю своими снами вместо того, чтобы про сон говорить. Про который бессонница.

— Сны — это и есть про сон, — машинально ответила Марина. — Мы с ними работаем. Приходите на следующей неделе.

Он поднялся, задержался у двери — она уже знала за ним эту привычку задерживаться в дверях, будто он каждый раз не до конца решается уйти.

— Марина... простите, не знаю отчества.

— Просто Марина.

— Марина. Спасибо, что не смеётесь. Я в поликлинике одному сказал про сны, так он на меня посмотрел, как на... — Игорь не договорил, махнул рукой и вышел.

Она осталась одна. За окном был серый московский полдень, обычный, будничный. Марина сидела с ручкой в руке, под которой на чистом листе карты не было записано ни слова, и думала об одной-единственной вещи, от которой всё внутри неё сжималось в холодный кулак.

Его сон был подробнее, чем её память.

Он помнил то, чего не помнила она. Мигающий жёлтый, дождь, свет справа, женский голос. Он лежал ночами и видел её аварию изнутри — а она, бывшая в той машине, не помнила ничего.

«Как будто я там кого-то оставил», — сказал он.

Марина закрыла карту. Впервые за пять месяцев и три недели ей захотелось не заклеить трещину, а разломить её руками и посмотреть, что там, внутри, в темноте, из которой дуло.

Глава четвёртая

В субботу она поехала туда.

Она не планировала — то есть не признавалась себе, что планирует. Просто в субботу утром села в машину, свою маленькую, которую после аварии почти не водила, и поехала как будто по делам, а через сорок минут обнаружила, что город кончился и по обе стороны потянулись поля с грязным мартовским снегом, и что она едет по той самой трассе.

Марина не помнила дорогу к перекрёстку. Но машина, кажется, помнила сама — или это память вела её мимо сознания, тем же путём, каким приходили обрывки. Она узнала поворот раньше, чем увидела указатель. Узнала заправку, мимо которой они, должно быть, проезжали. Руки на руле стали мокрыми, и она открыла окно, впустив холодный сырой воздух.

Перекрёсток оказался ничем не примечательным. Т-образный съезд с трассы на второстепенную, светофор на растяжке — сейчас, днём, он работал в обычном режиме, послушно менял зелёный на красный для пустой дороги. Ни цветов у обочины, ни креста — она вдруг подумала, что за пять месяцев ни разу здесь не была, что другие ставят кресты и возят цветы, а она замуровала это место так же, как коробку. Обочина была просто обочиной. Мокрый асфальт, размытая разметка, погнутый отбойник, который, может быть, погнули они, а может, кто-то другой, до них или после.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.